

СУД ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Нешатаевой Т.Н.
(дело № СЕ-1-1/1-16-БК)

город Минск

21 февраля 2017 года

В соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), заявляю особое мнение по решению Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 21 февраля 2017 года по делу № СЕ-1-1/1-16-БК.

1. Факты

Компании, расположенные в Калининградской области, являются производителями и собственниками бытовой техники, которая собирается в этом регионе Российской Федерации, является товаром Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз).

Помимо прочих двадцати пяти случаев в 2014 году, в которых техника, принадлежащая российским компаниям, систематически задерживалась контролирующими органами Республики Беларусь, была конфискована и обращена в доход Республики Беларусь, четыре случая задержания и конфискации бытовой техники имели место после 1 января 2015 года.

В 2016 году последовало обращение в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд), дело было принято к производству, в ходе судебного рассмотрения выяснено следующее.

Позиции Истца и Ответчика расходятся по вопросу о понятии свободы движения товаров и содержании правила о взаимном признании решений, а также о том, что понимается под решением, в каких случаях решения таможенных органов одного государства-члена

должны признаваться таможенными органами другого государства-члена, каким образом признание решений таможенных органов влияет на осуществление принципа свободного движения товаров и функционирование единого рынка Союза.

2. О правовом содержании принципа свободного движения товаров

2.1. Согласно статье 1 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) в рамках ЕАЭС обеспечивается свобода движения товаров.

Согласно статье 3 Договора Союз осуществляет свою деятельность на основе принципов уважения общепризнанных принципов международного права (*ius cogens*); соблюдения принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции; функционирования таможенного союза без изъятий и ограничений после окончания переходных периодов.

В соответствии с абзацем третьим статьи 4 Договора одной из основных целей Союза является стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза.

Согласно статье 2 Договора, «общий (единый) рынок» – совокупность экономических отношений в рамках Союза, при которых обеспечивается свобода перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

В этом контексте отметим, что Евразийский экономический союз является международной организацией интеграционного типа, которой государства-члены передали компетенцию по установлению единых правил обязательного характера, в том числе и в сфере таможенных отношений. Решения органов ЕАЭС подлежат непосредственному применению на территории государств-членов, обладают прямым действием, поэтому Суд ЕАЭС призван обеспечить единообразное применение международных договоров и решений органов Союза (пункт 2 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года; далее – Статут Суда) в отношении принципа свободного движения товаров как при рассмотрении споров, так и при ответах на запросы.

В соответствии со статьей 1 Договора в рамках ЕАЭС обеспечивается проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных Договором и международными договорами в рамках Союза. Согласно абзацу 6 статьи 2 Договора под «единой политикой» понимается политика,

осуществляемая государствами-членами в определенных ими сферах, предусмотренных Договором, предполагающая применение государствами-членами унифицированного правового регулирования, в том числе на основе решений органов Союза в рамках их полномочий.

2.2. Свобода движения товаров относится к единой политике, но не является абсолютной и может быть ограничена в строго определенных случаях. Об этом, например, говорится в статье 36 Договора о функционировании Европейского Союза. Таким же образом регулируются эти вопросы в праве Всемирной торговой организации (далее – ВТО) согласно статьям XX и XXI ГАТТ 1994, действующим для Таможенного союза с 2012 года.

Договор о ЕАЭС исходит из аналогичного подхода. Так, закрепляя в пункте 1 статьи 1 принцип свободного движения товаров, Договор позволяет государствам-членам отступать от данного принципа в случаях, перечисленных в статье 29 Договора, согласно которой государства-члены во взаимной торговле товарами вправе применять ограничения (при условии, что такие меры не являются средством неоправданной дискриминации или скрытым ограничением торговли) в случае, если такие ограничения необходимы для:

- 1) охраны жизни и здоровья человека;
- 2) защиты общественной морали и правопорядка;
- 3) охраны окружающей среды;
- 4) охраны животных и растений, культурных ценностей;
- 5) выполнения международных обязательств;
- 6) обеспечения обороны страны и безопасности государства-члена.

Данный список исключений является закрытым, то есть ограничение допуска товаров на внутренний рынок допустимо только в перечисленных случаях.

2.3. Для подтверждения правомерности своих действий органы Республики Беларусь должны были представить доказательства а) того, что у них были основания полагать, что товары, производимые в Калининградской области, могли быть задержаны на основании исключений, установленных статьей 29 Договора, и б) того, что их действия не являлись неоправданной дискриминацией и скрытым ограничением торговли, а также не вели к нарушению прав собственников товаров. Такие доказательства Суду не предоставлены.

С учетом того, что конфискованные товары (холодильники, телевизоры, микроволновые печи) впоследствии были реализованы на

внутреннем рынке, но не уничтожены в публичных целях, а доход от реализации товаров передавался не производителю, но был обращен в государственный бюджет, нет оснований полагать, что какое-либо из вышеуказанных оснований статьи 29 Договора применимо в рассматриваемой спорной ситуации. Товары, подпадающие под исключения статьи 29 Договора, не используются для целей пополнения бюджета, а подлежат уничтожению (см. статью 59 ТРИПС ВТО).

2.4. Так как таможенное регулирование отнесено к сфере единой политики в соответствии со статьей 32 Договора, следует сделать вывод, что в области таможенного регулирования для всех государств – членов Союза действуют одинаковые правила, установленные на наднациональном уровне, отклонение от которых, в том числе со ссылкой на нормы национального права, невозможно.

Для достижения целей, установленных в Договоре, а именно обеспечения свободы движения товаров и функционирования единого внутреннего рынка, в ЕАЭС предусмотрены особые механизмы, предполагающие соблюдение принципа взаимного доверия во взаимодействиях таможенных органов государств-членов.

В силу того, что в Союзе осуществляется единое таможенное регулирование, предполагается его функционирование на основе определенных стандартов (статья 25 Договора).

В подпунктах 1) и 5) пункта 1 статьи 25 Договора определено, что в рамках таможенного союза государств-членов функционирует внутренний рынок товаров и осуществляется свободное перемещение товаров между территориями государств-членов.

Закрепленное в статье 125 Таможенного кодекса Таможенного союза (далее – ТК ТС) взаимное признание актов – это процессуальное правило, обеспечивающее действие материально-правовой нормы о свободе движения товаров применительно к государствам – членам Таможенного союза. Принцип взаимного признания решений позволяет осуществлять свободное движение товаров в рамках ЕАЭС, что ведет к достижению цели функционирования единого внутреннего рынка Союза.

Под понятие решения, которое должно признаваться органами власти другого государства, подпадает оформляющее определенную таможенную процедуру разрешение, правомерно выданное органами власти в рамках своей компетенции, имеющее определенную документальную форму (в рассматриваемом случае – это легализованная печатью государственных органов таможенная декларация). В свою очередь, понятие признания решений означает

экстерриториальное действие решений органов власти, то есть распространение законной силы административного акта на территорию другого государства. В соответствии с этим принципом решения административных органов должны применяться без изменений, недопустимо принимать новые обязательные решения в государстве назначения товара, если товар был легализован в другом государстве.

Непризнание акта органов одного из государств – членов Союза считается эквивалентным незаконным количественным ограничениям в торговле товарами в Таможенном союзе.

Подобный подход применяется и в практике других таможенных союзов, например, в Европейском Союзе (далее – ЕС): запрещаются любые национальные меры, способные прямо или косвенно, фактически или потенциально воспрепятствовать торговле товарами, законно произведенными в любом из государств – членов ЕС (см., например, решение Суда ЕС от 20 февраля 1979 года по делу C-120/78 *Rewe-Zentral AG v. Bundesmonopolverwaltung für Branntwein*).

3. Режим доверия

3.1. Таможенный союз функционирует с соблюдением правил ВТО, регламентирующих свободу движения товаров. При этом, в соответствии со статьей XXIV ГАТТ 1994, в таможенных союзах предусматриваются разные процессуальные режимы для товаров из государств – членов союза и из третьих стран: проверка товаров, происходящих из государств-членов, может производиться по другим правилам (режим доверия).

Подобные иные правила установлены для таможенного администрирования товаров Таможенного союза.

В рамках евразийской интеграции взаимное признание актов таможенных органов о товарах ЕАЭС предусмотрено как ТК ТС, так и некоторыми другими соглашениями, имеющими целью установление режима доверия между договаривающимися государствами, что соответствует правилам ВТО.

Норма статьи 125 ТК ТС предусматривает, что решения таможенных органов, принятые при совершении таможенных операций, а также при проведении таможенного контроля, взаимно признаются таможенными органами государств – членов таможенного союза и имеют равную юридическую силу на таможенной территории таможенного союза в случаях, определенных таможенным законодательством таможенного союза.

Особо следует подчеркнуть, что данная статья находится в главе 17 «Взаимная административная помощь таможенных органов»

раздела 3 «Таможенный контроль», то есть касается случаев взаимной помощи при проведении таможенного контроля, но не нацелена на институт правовой помощи по уголовным делам и делам об административных правонарушениях, на который указывал Ответчик как на единственный случай обязательного признания решений, предусмотренный таможенным законодательством.

В связи с этим следует отметить, что при наличии специального правового регулирования по вопросу о взаимной помощи в наднациональной организации применению подлежат соответствующие нормы и институты, закрепленные в нормах права данной организации (Постановление Большой Палаты Европейского суда по правам человека от 23 мая 2016 года по делу *AVOTIŅŠ v. LATVIA*, жалоба № 17502/07, параграф 113), однако в отсутствие такого регулирования правовая помощь по гражданским, уголовным и делам об административных правонарушениях является институтом международного обычного права, основанным на взаимности признания действия норм национального права, и не имеет отношения к рассматриваемому Судом делу по вопросу действия наднационального права ЕАЭС.

В отличие от обычной правовой помощи, взаимное признание решений при таможенном контроле является императивным механизмом договорного права ЕАЭС и предусматривает обязанность (а не право) признавать равную юридическую силу решений таможенных органов.

Статья 125 ТК ТС содержит отсылку на «случаи, определенные таможенным законодательством ТС» (в договорах). В развитие и на основании данной нормы и в целом главы 17 ТК ТС было принято Соглашение о взаимной административной помощи таможенных органов государств – членов таможенного союза от 21 мая 2010 года (далее – Соглашение от 21 мая 2010 года), действовавшие и в 2014-2015 годах, которое в статье 17 повторяет норму статьи 125 ТК ТС, но без указанной отсылки, тем самым в договорном порядке расширяя сферу применения института взаимного признания решений при проведении таможенного администрирования путем исключения любых ограничений, которые могут быть предусмотрены как таможенным законодательством Таможенного союза, так и национальным законодательством государства-члена, что соответствует правилам ГАТТ.

Таким образом, таможенные органы в месте прибытия товаров, находящихся под процедурой таможенного транзита, на территорию ЕАЭС должны признавать решения таможенных органов места

отправления, не проводить операций, связанных с проверкой таких решений (стандарт «*применять – не изменять*») или ведущих к ограничению их действия на территории Таможенного союза.

3.2. Лингвистический анализ перечисленных норм позволяет сделать вывод, что постоянное использование в их формулировке индикатива настоящего времени (так называемое «настоящее предписания») призвано выразить значение долженствования и является показателем безусловности содержащегося в них предписания. Таким образом, по своему буквальному смыслу норма содержала точное указание на обязанность таможенных органов одного государства-члена признавать решения таможенных органов других государств – членов Союза.

Формулировки анализируемых норм включают выражение «равная юридическая сила» документов, содержащих решения по таможенному администрированию.

Понятие юридической силы правовых актов определяется как способность правового акта действовать и порождать определенные юридические последствия. Юридическая сила правового акта характеризуется двумя аспектами: 1) способность акта действовать; 2) положение акта в системе.

Если наложить такую схему на рассматриваемую ситуацию и понятие юридической силы ненормативных правовых актов, каковыми по сути являются решения таможенных органов, о которых идет речь в статье 125 ТК ТС и статье 17 Соглашения от 21 мая 2010 года, то представляется возможным сделать вывод, что первый компонент будет относиться к формальной правильности принятия акта (принят надлежащим органом власти государства – члена Союза в рамках предоставленной ему компетенции), а второй к положению такого акта в сравнении с ему подобными, то есть с решениями таможенных органов других государств-членов.

Так как определения понятия равной юридической силы в таможенном законодательстве ЕАЭС не содержится, в целях толкования следует обратиться к пункту 1 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, согласно которому договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора. Лексическое значение слова «равный» определяется как «такой же, одинаковый с кем-, чем-либо в каком-нибудь отношении», например, по качеству, достоинству, значению, силе, степени проявления (Словарь современного русского

литературного языка в 17 томах (так называемый «Большой академический словарь русского языка»), том 12, издан АН СССР в 1961 году).

Таким образом, анализ буквального значения терминов, употребленных в положениях указанных статей ТК ТС и Соглашения от 21 мая 2010 года, дает основания сделать вывод: специальное регулирование предполагает, что решения таможенных органов различных государств – членов Союза имеют одинаковую юридическую силу, то есть равно обязательно действуют на всей таможенной территории Таможенного союза.

Подобный подход поддерживается административными и научными учреждениями в сфере таможенных отношений.

В ответе Российской таможенной академии от 2 декабря 2016 года (№ 13/6185) на запрос Суда, в частности, указано: «Поскольку решения, принятые при ввозе, вывозе товаров, перевозке в соответствии с таможенным транзитом, временном хранении, являются составной частью диспозиции статьи [125 ТК ТС], в равной части с решениями при проведении таможенного контроля, то все такие решения подлежат взаимному признанию таможенными органами всех государств – членов Таможенного союза.

Взаимное признание решений является необходимым условием свободного движения товаров между территориями государств-членов без применения таможенного декларирования, обеспечения взаимовыгодного сотрудничества, равноправия и учета национальных интересов Сторон, осуществления единого таможенного регулирования, в том числе единой правоприменительной практики».

4. О действиях таможенных органов Республики Беларусь

4.1. Применительно к действиям таможенных органов Республики Беларусь и их соотношению с принципами свободы движения товаров и признания решений в ходе судебных заседаний прояснено следующее.

В материалах дела отсутствуют документы, подтверждающие факт подмены товаров или свидетельствующие о наличии ее следов. Нет и сведений о том, проводились ли какие-либо следственные действия с целью установления обстоятельств подмены и обнаружения виновных лиц. Напротив, в материалах дела присутствуют акты таможенного досмотра автомобилей, который позволил установить, что «товаров, не указанных в ТСД, не выявлено», пломбы, наложенные таможенными органами отправления, не нарушены.

Однако в ходе таможенного администрирования в Республике Беларусь товары ООО «Технопром» были признаны иностранными, а товары ООО «Рубеж» – бесхозными.

Таможенные органы Республики Беларусь производили задержания транспортных средств, объявляли о принадлежности перевозимых грузов неустановленным лицам. При этом не учитывалось, что собственники товаров предоставляли необходимые документы, в том числе и заключения экспертов с выводами о глубине переработки перевозимого товара, указывали пункты отправки и доставки.

Фактически таможенные органы государства-ответчика отказались учитывать таможенные документы, выданные в Российской Федерации, в одностороннем порядке признали решения российских таможенных органов необоснованными и приняли собственное решение по тому же вопросу. **Иными словами, в ходе таможенного администрирования под предлогом применения национального законодательства и выполнения норм о правовой помощи по административным делам фактически отрицалось специальное регулирование о взаимном признании административных решений, принятое в ЕАЭС.**

Подобные действия органов власти эквивалентны количественным ограничениям в торговле, противоречат принципам свободы движения товаров и функционирования единого внутреннего рынка ЕАЭС, что нарушает Договор о Евразийском экономическом союзе.

4.2. В рассматриваемом Судом деле ситуация усугубляется географическим положением Калининградской области, которая представляет собой так называемый «анклав», то есть часть территории Союза, со всех сторон окруженную территориями государств, не входящих в Союз. Согласно статье 2 ТК ТС единую таможенную территорию таможенного союза составляют территории Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Российской Федерации, а также находящиеся за пределами территорий государств – членов таможенного союза искусственные острова, установки, сооружения и иные объекты, в отношении которых государства – члены таможенного союза обладают исключительной юрисдикцией. Таким образом, допускается и учитывается, что таможенная территория Союза не представляет собой неразрывную территорию. В рамках таможенной территории ЕАЭС «анклавами» являются Республика Армения и Калининградская область Российской Федерации. Из-за географического положения анклавов невозможна перевозка товаров с их территории или на их территорию с

использованием процедуры транзита только по территории Союза. Однако это не может означать, что анклав оторван от территории ТС и являются зонами, где решения таможенных органов не принимаются или не действуют. Напротив, учитывая приведенную норму статьи 2 ТК ТС, анклав является частью таможенной территории Союза и не могут быть исключены из-под действия положений таможенного законодательства Союза, тем более таких общезначимых норм, как норма о признании решений таможенных органов.

Кроме того, в нормативных актах ЕАЭС отсутствуют нормы, позволяющие таможенным органам признавать товары ЕАЭС, прибывшие транзитом через третье государство, иностранными товарами. Так как при таможенном администрировании действует общий принцип публичного права «запрещено все, кроме прямо разрешенного», орган контроля не вправе проводить какие-либо действия, помимо прямо указанных в международной норме.

При этом прибытие таких товаров не исключает контрольных функций белорусских таможенных органов, которые должны осуществляться в допустимых формах.

5. О механизме проверки ранее принятых решений

В настоящем деле таможенными органами Республики Беларусь не был использован предусмотренный главой 17 ТК ТС и статьей 11 Соглашения от 21 мая 2010 года механизм взаимной административной помощи, состоящий из обмена информацией, признания решений и направления поручений.

Нормы интеграционного права предусматривают механизм преодоления сомнений контролирующего органа как в правомерности актов, так и в легальности ввозимых товаров. Согласно статье 11 Соглашения от 21 мая 2010 года таможенные органы Республики Беларусь, обнаружив данные, свидетельствующие о возможном нарушении требований таможенного законодательства, должны были направить эти данные таможенным органам Российской Федерации с поручением о проведении таможенного контроля и перепроверки принятых ранее решений. Иными словами, перепроверять, а затем отменять решение может только тот орган, который его вынес. В нарушение этой нормы белорусские таможенные органы таких данных российским таможенным органам не передавали, а вместо этого самостоятельно проводили проверку законности решений российской таможни. При этом о предпосылках проведенных проверочных мероприятий государственные органы Республики Беларусь не сообщали ни российским таможенным органам, ни собственникам

перевозившихся товаров. В материалах дела, представленных в Суд, таких сведений также не содержится, не были они представлены и в ответ на конкретный запрос со стороны Суда. Вместо этого ответчик ссылался на национальные правила определения рисков, ставшие причиной ограничения свободы движения товаров вне сферы действия статьи 29 Договора.

Согласно положениям ТК ТС правом на проведение таможенного контроля после выпуска товаров в отношении российских организаций, перемещающих товары (отправителей, получателей, перевозчиков), обладают только российские таможенные органы.

Такое положение согласуется с общепризнанным принципом международного права *par in parem non habet iurisdictionem*. Данный принцип предполагает равенство всех государств и невозможность одного государства осуществлять юрисдикцию в отношении другого. Современная международная договорная практика, в том числе практика интеграционных объединений, свидетельствует о том, что договор может распространить этот подход на все государственные органы и все решения, принятые как *acta iure imperii* – акты государства, принимаемые при осуществлении своей суверенной власти. Например, в Таможенном кодексе Европейского Союза в редакции регламента Европейского парламента и Совета 952/2013 от 9 октября 2013 года в статье 26, которая озаглавлена «Действие решений по всему Союзу» и расположена в разделе 3 «Решения, относящиеся к применению таможенного законодательства» главы 2 «Права и обязанности лиц в отношении таможенного законодательства», предусмотрено: «Решения, относящиеся к применению таможенного законодательства, действуют на всей таможенной территории Союза».

Итак, при наличии сомнений в законности товара или решений по нему, в целях проверки таможенный орган государства назначения должен направить соответствующий запрос в таможенный орган государства отправления с точным указанием обстоятельств, послуживших причиной сомнений. Отмена актов может производиться только органом того государства, в котором такое решение принималось.

6. De lege ferenda

6.1. Полагаю необходимым дополнить Регламент Суда разделом о разрешении межгосударственных споров. К сожалению, Суд не воспользовался положением пункта 72 Статута Суда, позволяющим

дополнять регламентацию в неурегулированных или спорных ситуациях.

Рассмотрение данного спора неоправданно затянулось. После принятия заявления к рассмотрению ответчик в настоящем деле как настаивал на прекращении судопроизводства в связи с отсутствием компетенции у Суда, так и в целях возобновления производства представлял дополнительные материалы после удаления Суда в совещательную комнату. К сожалению, Суд, по аналогии применяя в данном деле разделы о рассмотрении споров хозяйствующих субъектов, постоянно возвращался к этим вопросам, в то время как Статут Суда (пункт 67), равно как и Регламент Суда, не предусматривает такой возможности. Так, дело прекращается, если стороны заключают мировое соглашение, или истец отзывает заявление, или если Суду становится известно о прошлых решениях по спорному вопросу или о новых обстоятельствах, свидетельствующих об изменении компетенции (*clausula rebus sic stantibus* применительно к процессу; пункт 2 статьи 56 Регламента Суда). При этом Регламент Суда позволяет решать вопрос о прекращении дела в связи с появлением новых обстоятельств в срок не более пяти дней в ходе судопроизводства по делам о разрешении споров, которое ведется в соответствии с принципом состязательности сторон. Суд пассивен в вопросе получения фактов, сведений о новых обстоятельствах и ограничен стадиями судопроизводства. Равно Суд должен соблюдать стадии процесса. Иное нарушает принцип состязательности и свидетельствует об излишнем активизме Суда, элементах инквизиционного процесса, а также свидетельствует о нарушении принципов беспристрастности и независимости Суда.

Это относится и к возражению Ответчика о том, что вопрос о соблюдении Договора о ЕАЭС не был предметом обсуждения во время двухсторонних консультаций, а потому не может быть рассмотрен Судом.

Пункт 43 Статута Суда и пункт 2 статьи 23 Регламента Суда не предполагают заявление одних и тех же требований в рамках досудебной процедуры и в заявлении в Суд. Это соответствует и практике международных судов (например, решение Международного Суда ООН по делу *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*, ICJ Reports 1984, p. 428, para. 83).

В таком контексте Ответчик смешивает понятие «судебная процедура» с «досудебной процедурой», которая не является судебной инстанцией. Следовательно, норма пункта 2 статьи 23 Регламента Суда

на досудебную процедуру не распространяется. Целью двухсторонних консультаций является попытка урегулировать спор, возникший из конкретных фактических обстоятельств, которые были предметом рассмотрения сторонами. Предметом консультаций сторон не может служить правовая квалификация и оценка фактов, за которой заявитель и обращается в Суд. Единообразное применение права – задача Суда (пункт 2 Статута Суда).

Отсюда прекращение дела по инициативе ответчика или судьи равносильно отказу в правосудии, ибо для сторон теряется право состязаться, представляя аргументы и доказательства, а Суд оказывается не способен справедливо, беспристрастно и независимо определить объем прав и обязанностей сторон.

В равной степени невозможно и нарушение сроков вынесения решения (включая его объявление), установленных международно-правовой нормой. Пункт 96 Статута Суда предусматривает, что Суд обязан вынести решение не позднее 90 дней со дня поступления заявления. Такой срок является пресекательным и может прерываться лишь по двум основаниям, установленным Регламентом Суда и Статутом Суда, не применявшимся в данном деле.

В данном деле требования пункта 53 Статута Суда о публичности результатов голосования не были соблюдены, ибо была нарушена взаимосвязь норм Статута Суда и Регламента Суда. Учитывая, что итоги голосования не относятся к тайне совещания судей, необходимо подчеркнуть, что невозможно как допускать повторное голосование однажды принятого решения, так и возобновлять производство по делу, в котором состоялось голосование по резолютивной части решения, подлежащей оглашению согласно пункту 53 Статута Суда исходя из принципа публичности. Этой цели служит публикация результатов голосования в тот же день, что предотвращает изменение «один раз решенного».

Ситуация, сложившаяся в ходе рассмотрения настоящего дела, стала возможной из-за того, что руководство процессом не соответствовало требованиям, предъявляемым к судьям с точки зрения беспристрастности: судьи не ведут дела по спорам государств, представивших их к должности. При этом беспристрастность также не обеспечивается и в том случае, если в аппарате судей в качестве должностных лиц работают граждане государств – участников спора.

Подчеркиваю, что эти подходы не работают в случае споров хозяйствующих субъектов с Евразийской экономической комиссией, ибо эти стороны не имеют отношения к назначению судей.

По этой же причине считаю и для себя невозможным ставить эти вопросы в судебном решении.

De lege ferenda в связи с отсутствием процедуры по данной категории споров необходимо решить в нормативных актах ЕАЭС вопрос неучастия судей от государств – участников межгосударственного спора в качестве руководителей процесса.

Правило о неучастии судьи в качестве председательствующего и судьи-докладчика в делах, в которых одной из сторон спора является государство, представившее данного судью на должность, является распространенным (см., например, пункт 1 статьи 32 Регламента Международного Суда ООН). Полагаю, что аналогичное правило следует из пунктов 19–21 Статута Суда (конфликт интересов).

Кроме того, невозможен отход от стандарта, принятого в международных и национальных судах, о том, что судья, оставшийся в меньшинстве при голосовании по решению об удовлетворении требований истца, вправе изложить в письменной форме свое особое мнение, не нарушая при этом подход, получивший большинство голосов. Иное также приводит или к изменению однажды решенного, или к появлению внутренних противоречий в судебном решении (пункт 6 статьи 78 Регламента Суда).

6.2. Считаю необходимым остановиться на вопросах компенсации вреда, причиненного действиями (бездействием) публичной власти, а также ее актами. Все они находятся в настоящее время в сфере национального права.

С учетом того, что непризнание решений таможенных органов Российской Федерации органами Республики Беларусь повлекло экспроприацию (лишение права собственности на перевозимые товары), полагаю необходимым отметить, что, к сожалению, пункт 61 Статута Суда не позволяет эффективно рассматривать вопрос о защите прав, в том числе, о присуждении разумной компенсации материального и нематериального вреда, предусматривая, что Суд оставляет без рассмотрения требования о возмещении убытков или иные требования имущественного характера. Из этого следует, что международно-правовой обычай полного возмещения вреда, закрепленный в международно-правовой практике, которая кодифицирована в статье 34 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 года, не может быть реализован Судом при вынесении данного решения, что не исключает возможности защиты прав потерпевших производителей конфискованных товаров в иных юрисдикциях, а также регламентации этих вопросов в будущих актах права ЕАЭС.

7. Выводы

1. Согласно пункту 1 статьи 1 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года в рамках Союза обеспечивается свобода движения товаров, в том числе, согласно статье 25 Договора, путем функционирования единого рынка товаров ЕАЭС.

2. При этом согласованное действие норм материального и процессуального права запрещает любое ограничение движения товаров вне правил статьи 29 Договора о ЕАЭС, каковым, по сути, является непризнание решений, принятых таможенными органами государств – членов Союза в отношении таких товаров (пункт 5 статьи 25 Договора, статья 125 ТК ТС).

3. Несоблюдение формально определенного, точного требования унифицированных норм в настоящем деле свидетельствует о их «подмене» нормами национального права, которая привела к скрытому ограничению торговли, выразившемуся в обращении в бюджет Республики Беларусь прибыли от реализации конфискованной техники калининградских товаропроизводителей.

4. Согласно нормам права ЕАЭС взаимное признание административных решений в ходе таможенного контроля не предполагает применения национального права и является императивным наднациональным правилом, включающим международный стандарт сотрудничества *«доверять, применять, не изменять (не подменять)»*.

5. Таким образом, ответчиком в данном деле нарушены статьи 1, 3, 4, 25 Договора и аналогичные им статьи, действовавшие для государств – членов Таможенного союза ранее. Нарушение материально-правовых норм произошло при несоблюдении процессуальных норм права Союза, в том числе статьи 125 ТК ТС и развивающих ее статей 11 и 17 Соглашения от 21 мая 2010 года. Нарушения процедурных норм таможенного регулирования повлекли нарушение основополагающих норм материального права. Нарушение стандартов судопроизводства в межгосударственном споре затянуло судебный процесс, осложнило реализацию принципов беспристрастности и независимости правосудия.

Судья

Т.Н. Нешатаева